

ДОКУМЕНТЫ

Публикация А. С. Пученкова

Богданов Н. Н. «Крымское краевое правительство» [1919 г.]*

Предлагаемая вниманию читателя рукопись в известной мере является продолжением начатой автором этих строк серии публикаций по истории Крымского краевого правительства 1918–1919 гг., предпринятой на страницах журнала «Новейшая история России»¹, перекликаясь как с воспоминаниями министра юстиции кабинета С. С. Крыма Владимира Дмитриевича Набокова, так и с отчетом безымянного белогвардейского аналитика, подробнейшим образом описавшего деятельность этого правительства от его возникновения и до его падения. В силу этого автор публикации находит возможным не повторять обстоятельно исследованную историками фактическую сторону деятельности правительства Соломона Крыма, сосредоточившись именно на характеристике публикуемого документа — воспоминаний министра внутренних дел Крымского краевого правительства Николая Николаевича Богданова (1875–1930) — личности, несомненно, яркой и незаурядной.

Богданов был фигурой достаточно нетипичной для лагеря «контрреволюции»: член II Государственной Думы, полковник, в 1917 г. — председатель Ялтинской уездной земской управы², участник знаменитого Ледяного похода Добровольческой армии, в ряды которой он вступил, выполняя поручение Центрального комитета кадетской

**Пученков
Александр
Сергеевич**

доктор исторических наук, доцент,
Санкт-Петербургский
государственный
университет
(Санкт-Петербург,
Россия)

партии³. В Добровольческой армии Богданов был назначен приказом генерала М. В. Алексеева сначала ответственным за интендантскую часть добровольческих формирований, а затем — заведующим финансового отдела немногочисленной поначалу армии⁴. Богданов, безусловно, обладал острым умом, исключительной наблюдательностью, блестящей памятью — все это делает его воспоминания особенно интересными. Его оценки как самой эпохи, так и личностей, с которыми ему приходилось сталкиваться, достаточно сдержанны и точны. На страницах его записок как о первом этапе существования Добровольческой армии, так и о деятельности Крымского правительства перед нами, как живые, возникают яркие и целомудренно честные портреты главных героев разыгрывавшейся драмы — Алексеева, Деникина, Корнилова, Набокова, Винавера, Соломона Крыма... В манере Богданова-мемуариста, как в зеркале, отразились качества, приобретенные благодаря его многочисленным занятиям: педантизм профессионального военного и хитрого, осторожного финансиста, интеллектуализм и рефлексия типичного русского политика земского, немного чеховского склада, а в отдельные моменты — взрывной темперамент прирожденного думского трибуна. Вместе с тем в Богданове нельзя увидеть и своеобразной бесхребетности русской интеллигенции: он деятелен, в меру язвителен и в критических ситуациях демонстрирует боевитость и способность к принятию эффективных и своевременных решений.

В воспоминаниях Богданов в целом солидаризировался со своими товарищами по правительству, возлагая немалую степень ответственности за крах кабинета С. С. Крыма на командование Добровольческой армии, будучи убежден в том, что Деникиным не были предприняты решительные шаги к защите полуострова от вторжения большевиков. Вслед за В. Д. Набоковым, М. М. Винавером, С. С. Крымом и П. С. Бобровским Богданов пишет о беспрестанных тренингах с командованием Добровольческой армии, видевшим в деятельности правительства проявления скрытого сепаратизма, не отвечавшего базовому лозунгу Белого движения — идее Великой, Единой и Неделимой России. Понятно, что к подобным высказываниям проигравших политиков, сделанным уже в эмиграции, следует относиться с чрезвычайной осторожностью, ибо кто и когда был способен извлечь уроки из собственной неудачи, не возлагая за нее ответственности на другого?!.. Вместе с тем воспоминания Богданова обладают поистине уникальной фактографической ценностью. Автор поставил перед собой задачу последовательного рассказа о ключевых направлениях деятельности кабинета Соломона Крыма — от его предыстории, связанной с работой крымских кадетов, направленной против немецкого ставленника генерала М. А. Сулькевича, в 1918 г. до возникновения правительства в конце того же «осьмнадцатого» года. В записках Богданова, чрезвычайно осведомленного участника всех важнейших событий жизни полуострова, находим те драгоценные подробности, отсутствие которых с уходом в небытие живых свидетелей истории делает работу исследователей поистине каторжной, вынуждая их теряться в бесплодных догадках. Полагаем, что значение публикации воспоминаний Н. Н. Богданова трудно переоценить, и они займут свое достойное место в ряду воспоминаний участников Белого движения.

Воспоминания Н. Н. Богданова отложились в архиве Крымского Краевого правительства, составляющем часть поистине необъятного собрания документов

по русской истории в Гуверовском институте войны, революции и мира. Указать точную датировку рукописи Н. Н. Богданова крайне трудно; вместе с тем, судя по ссылкам на работы В. А. Оболенского и самого Н. Н. Богданова, время возникновения записок относится ко второй половине 1920-х гг., иначе говоря, они созданы незадолго до смерти автора, последовавшей в 1930 г.

Документ представляет собой машинопись с отдельными рукописными вставками. Примечания, принадлежащие самому Н. Н. Богданову, выделены нами курсивом; примечания, сделанные автором публикации, — обычным шрифтом. Сохраняются орфографические и пунктуационные особенности оригинала. Мы сознательно свели примечания к тексту воспоминаний Н. Н. Богданова к минимуму, так как значительная часть вопросов, рассмотренных в тексте его записок, тщательно прокомментирована автором этих строк в предыдущих публикациях по истории Гражданской войны в Крыму, вышедших на страницах журнала «Новейшая история России» и упомянутых выше. Название рукописи принадлежит самому Н. Н. Богданову.

Богданов Н. Н. Крымское краевое правительство

В Крыму власть была захвачена большевиками в январе 1918 года. Они продержались недолго. Уже в апреле того же года, под влиянием слухов о движении в Украину немцев, среди татар началось брожение. Зеленые, среди которых было много скрывавшихся офицеров, и татары из горных деревень, спустились в Алушту и произвели восстание, причем несколько коммунистов было убито. Хотя это восстание было подавлено, но немедленно стали возникать более или менее крупные столкновения татар с коммунистами. Во многих местах это движение получило характер греческих погромов⁵.

В конце апреля немцы заняли Симферополь и Южный берег Крыма.

С уходом большевиков в Крыму вновь стал вопрос о создании власти и вновь началось соперничество кругов земского-городского самоуправления и татарских национальных кругов⁶. Уже 8-го мая в Симферополе был созван Курултай — крымско-татарский парламент. Председатель Курултая Айвазов, говоря о формировании татарами краевой власти, так обосновывал право татар: «Историческое и этнографическое бытие крымско-татарского народа, его полутора вековое рабство и те многочисленные жертвы, которые он понес в течение трех лет войны и четырнадцати месяцев революции, дают ему право брать на себя инициативу организации власти в Крыму».

Курултай постановил: 1) созвать Крымское учредительное собрание; 2) Курултай берет на себя инициативу созыва Учредительного собрания; 3) создать временную краевую власть с участием других национальностей и общественных организаций; 4) до созыва Крымского Учредительного Собрания Временное правительство должно быть ответственно перед Курултаем. Таким образом, татары хотели взять лишь приоритет в образовании власти и обеспечить себе преобладающее влияние. Они не могли не считаться с тем, что татарское население

составляет менее одной трети население Крымского полуострова, и что все города, за исключением Бахчисарая, были русские. 1-го мая Симферопольская городская Дума вынесла резолюцию, формулирующую мнение земско-городских общественных кругов: «необходим созыв Крымского Учредительного Собрания. До созыва Учредительного Собрания только Земские и Городские самоуправления могут выражать волю населения Крыма и никакие национальные организации не должны считать себя вправе говорить от имени всего населения. Ввиду этого необходим съезд Земских и Городских самоуправлений для образования Временного Правительства». [Еще до моего приезда. — вычеркнуто автором. — А. П.] В конце мая собралось Таврическое губернское земское собрание, избранное по закону Временного правительства и при большевиках не действовавшее. Оно высказалось против дробления губернии и отторжения от нее трех материковых уездов — Днепровского, Мелитопольского и Бердянского. Оно присоединилось к резолюции Симферопольской городской думы об образовании Краевой власти. То же собрание избрало председателем губернской управы князя Владимира Андреевича Оболенского, принадлежавшего к кадетской партии и бывшего члена центрального комитета партии. Уже из одного этого факта можно было заключить, что настроение гласных, прошедших по социалистическим спискам, изменилось. Еще недавние соглашательские с большевиками тенденции так резко проявлявшиеся в конце октября, сменил[и]сь желанием выдвинуть на первое место членов кадетской партии. Кадетская партия принимала эту ответственность и понимала, что без ее участия организация авторитетной местной власти невозможна. Владимир Дмитриевич Набоков в своих, к сожалению, очень отрывочных заметках в календаре⁷ о событиях того времени, отмечает 23-го апреля, что в Ялте у В. В. Келлера было собрание членов кадетской партии, на котором обсуждался вопрос об организации краевой власти через губернское земское собрание. В. Д. Набоков отмечает вторичное собрание кадетской партии 10-го мая. На собрании присутствовали И. И. Петрункевич и С. С. Крым. На календаре сделана надпись: «обсуждался вопрос об организации краевой власти». Вначале собрание, в особенности вследствие речи Ивана Ильича, было настроено очень отрицательно по вопросу об участии Кд [здесь и далее «Кд» — конституционные демократы, кадеты. — А. П.], после моей речи настроение изменилось, принято решение предложить губернскому собранию, по соглашению с Курултаем, организовать власть. Кд войдут при известных условиях. Переговоры с татарами происходили 16 и 17 мая в Симферополе, от кадетов участвовали: В. Д. Набоков, С. С. Крым, В. А. Оболенский, Д. С. Пасманик, И. Н. Альтшуллер. В то же время было созвано частное совещание губернских гласных пяти уездов Крымского полуострова. Совещание требовало, чтобы правительство было деловое, не было ответственно перед Курултаем и выдвигало председателем С. С. Крыма. Татары настаивали на том, чтобы во главе правительства стал Джафер Сейдаметов, избранный на этот пост Курултаем⁸. (Курултай дал Сейдаметову особую грамоту — «ярлык», в которой отмечались его заслуги в прошлом). Соглашение не состоялось и переговоры затягивались. Переговоры велись и с генералом Кошем, стоявшим во главе немецких оккупационных войск, он настаивал на скорейшем соглашении. Наконец немецкое командование, благодаря сдержанности русских общественных кругов,

а может быть из-за желания демонстрировать перед мусульманским востоком свое благожелательное отношение к мусульманам, окончательно остановилось на образовании правительства с преобладанием татар и связанное с Курултаем. Пятого июня генерал Кош, снесшись с Берлином, назначил председателем правительства литовского татарина генерала Сулькевича, бывшего, впрочем, татарин по происхождению, он вряд ли даже и говорил по-татарски. Он был обыкновенным кадровым офицером, малообразованным и не умным, хотя и хитрым человеком, совершенно чуждым Крыму, его не знавшим и не любившим⁹. Правительство Сулькевича было образовано в следующем составе: из местных татар вошел лишь один Д. Сейдаметов, по рекомендации съезда представителей немецких колонистов министрами были назначены Рапп и В. С. Налбандов, по матери немецкого происхождения и имевший связи среди немецких колонистов, он не должен был демонстрировать связь с губернским земством, ибо до переворота был членом губернской земской управы¹⁰; из русских вошли люди, чуждые Крыму: граф Татищев и бывший при царском правительстве послом в Константинополе Чарыков. Новое правительство упразднило остатки губернского комиссариата, восстановленного после падения большевиков и действовавшего в составе помощника губернского комиссара П. И. Бианки и татарина Озенбашлы; восстановило законы Временного правительства, за исключением закона о земельных комитетах, и распустило городские думы и земские собрания, избранные на основах всеобщего избирательного права. Было приступлено к выработке нового избирательного закона на основах куриальной системы и временно созданы городские и земские управы старого состава времени царского правительства. Губернское земство, обнимавшее и территорию Крымского государства, и часть Украины (три материковых уезда: Мелитопольский, Бердянский и Днепровский), отказалось исполнить это распоряжение¹¹. Впоследствии, когда уход немцев был решен, правительство Сулькевича, ища поддержки местных общественных кругов, восстановило избранные по закону Временного правительства городские думы, уездные земские и губернское собрание. Немецкий оккупационный отряд распоряжался в Крыму, как в завоеванном крае. Можно думать, что у немцев было намерение оккупировать Крым более прочно и на более долгий срок, чем Украину¹². Это видно из того, что немцами приобретались недвижимости и составлялись проекты постройки дорог и портовых сооружений. При этом вероятно рассчитывалось использовать местное татарское правительство по примеру мелких мусульманских государств северной Африки, имеющих лишь видимость самостоятельности. В Севастополе укрепления и оборудования металлического завода не разрушались, но зато целыми поездами вывозили материалы¹³, особенно много было вывезено с завода порта ценного белого металла, и в Севастополе был поднят императорский штандарт.

Вероятно, не без влияния немцев крепло у татар стремление к образованию самостоятельного Крыма.

Еще 16-го мая Сейдаметов говорил в Курултае, что интересы Германии может быть совпадают с интересами самостоятельного Крыма. Крымский мусульманский национальный совет 21-го июля послал высшему германскому правительству декларацию, которая, описывая историческое развитие крымского татарского народа, начиная от ханских времен и до революции 1917 года, выдвигает проект

преобразования Крыма в независимое нейтральное ханство, свободное от господства и политического влияния России (отношение главного директора Крымского национального совета № 37 от 21-го июля 1921 года).

Вопрос о союзнической или немецкой ориентации дебатировался и в Крыму. Среди кадетской партии по этому вопросу были также разногласия. Против немецкой ориентации выступали И. И. Петрункевич и М. М. Винавер, за — В. Д. Набоков, В. В. Келлер и я. В начале лета я ездил в Киев на кадетский областной съезд. Съезд очень много времени уделил вопросу об участии киевских кадетов в правительстве Скоропадского, а также связанному с этим вопросом, вопроса о немецкой ориентации. Участие в правительстве было признано допустимым и большинство съезда высказалось за немецкую ориентацию, примкнув таким образом к мнению Правого Центра в Москве. П. Н. Милюков много раз выступал и был бесспорно лидером съезда¹⁴. В Ялте был созван 22 июля губернский съезд к. д. партии, большинством голосов высказавшийся против немецкой ориентации. В своем стремлении создать «Великую Украину», правительство Скоропадского стремилось подчинить себе побережье Черного моря и желало включить в свои границы Крымский полуостров с Севастопольским портом. Если в северных уездах, присоединенных к Украине, население было против обособления от России, несмотря на то, что часть населения особенно в Бердянском и Днепровском уездах были выходцы из Малороссии, [почти забывшие малороссийский язык. — вычеркнуто автором. — А. П.] то на полуострове русское, татарское и немецкое население было совершенно чуждо Украине [Малороссии. — вычеркнуто автором. — А. П.]. Настаивая на присоединении Крыма, Украина соглашалась на предоставлении Крыму некоторой автономии. [Ввиду отказа Крымского правительства [выполнить] требования Украины. — вычеркнуто автором. — А. П.]. Крымское правительство отказало Украине в ее домогательствах, получив отказ, Украина объявила Крыму таможенную войну и закрыло границу для вывоза и ввоза товаров. Это обстоятельство серьезно встревожило торговые и промышленные круги. Мы чувствовали некоторое затруднение в получении из материковых уездов молочных продуктов, скота, сала и птицы, которые всегда оттуда ввозились на юг, впрочем, эти продукты широко ввозились контрабандой, контрабандой же пригонялся и скот, причем немцы на границе Крыма, которые почему-то чередовались с украинцами для охраны, быстро научились брать взятки. Гораздо серьезнее была невозможность в Украину [продать] громадный урожай фруктов, что грозило большими убытками для края. Губернская земская управа созвала съезд председателей земских управ и городских голов для обсуждения вопроса о ликвидации таможенной войны, не считая возможным длительное отделение Украины от России и тем более отторжение Черноморских портов. Совещание признало возможным пойти на уступки Украине и согласиться на временное соединение на началах автономии. По поручению этого съезда, я вновь выехал в Киев, со мною вместе был командирован А. Стевен. Собрание дало нам полномочия войти с Украинским правительством в окончательное соглашение. Симферопольский Биржевой комитет поручил нам выяснить вопрос об экспорте фруктов. Одновременно с нами в Киеве был представитель правительства Сулькевича Чарыков, которому правительство дало поручение действовать согласно с нами и пойти на уступки Украине¹⁵. Председатель совета

министров Ф. А. Лизогуб предложил нам основания для соглашения; признание украинского государства и общая таможенная граница, Севастопольский порт должен был перейти к Украине, во внутреннем управлении — в области местного хозяйства и народного просвещения мы могли иметь свои учреждения и употреблять русский язык. До заключения соглашения было объявлено, что ни один карбованец не будет дан Крыму и ни один пуд товару не будет пропущен из Крыма на Украину и обратно. Ф. А. Лизогуб, хотя и говорил с нами по-русски, но употреблял отдельные украинские слова. Вся обстановка приемов министров была очень пышна. [Дождаясь приема. — Вычеркнуто автором. — А. П.] В приемной я видел много не то военных, не то штатских в декоративных украинских костюмах. Особенно мне вспоминается один с длинными усами, с бритой головой и с отставленным чубом на затылке, который не успел еще отрасти и странно торчал вверх, на украинце были какие-то удивительно широкие синие штаны. Переговоры наши вероятно увенчались бы успехом, и в вопросе об общей таможенной границе мы вероятно сделали бы уступки, если бы не изменилась радикально общая обстановка¹⁶. В Киеве получились первые сведения о неудачах немцев на французском фронте. В украинских кругах уже с тревогой стали говорить о возможном уходе немцев. При этих условиях заключать соглашения было бы и бесцельно и неосторожно, и мы, прервав переговоры, выехали в Симферополь. Через несколько дней Украина по собственному почину прекратила таможенную войну.

Изменилось положение и в Крыму. Немцы, предвидя очевидно возможность ухода или чрезвычайного уменьшения своих оккупационных сил, и понимая, что правительство Сулькевича никаким авторитетом не пользуется в Крыму и с уходом их не продержится и одного дня, и желая как можно дольше сохранить возможность получения из Крыма необходимых Германии товаров, по собственному почину начали переговоры с губернским земством о создании в крае более авторитетной власти. Делал попытки к соглашению с русскими общественными кругами и генерал Сулькевич. Он предлагал В. Д. Набокову план составления кабинета из членов кадетской партии, с тем, чтобы он сам остался председателем совета министров¹⁷. Конечно, это предложение было отвергнуто. Круги крымских татар держались очень несговорчиво и условием вхождения в правительство ставили передачу им четырех главных портфелей. Порядок образования власти вновь стал обсуждаться в кадетских кругах. В Крыму в то время находились многие члены центрального комитета партии: И. И. Петрункевич, Н. И. Астров, С. В. Панина, Н. В. Тесленко, В. Д. Набоков, М. М. Винавер и др. В целях работы на юге России состав центрального комитета был пополнен. Были кооптированы В. В. Келлер, И. Н. Альтшуллер, я и еще некоторые лица. На совещаниях в Ялте и в Алуште были выработаны условия вхождения в правительство Крыма членов Кд партии. Шли переговоры и с социалистами, с которыми Кд установили соглашение. В. Д. Набоков отмечает в своих записях в календаре: С. Р. [социалисты-революционеры. — А. П.] требуют решительных действий, чтобы С. С. Крым низложил Сулькевича¹⁸. С. С. Крым, конечно, отказал, он проявил в это время очень много такта и выдержки.

31-го октября генерал Кош уведомил генерала Сулькевича, что он не будет его поддерживать. В последних переговорах я не участвовал, так как по поручению губернской земской управы выехал в Екатеринодар для переговоров с генералом

Деникиным о взаимоотношениях будущего правительства с командованием Добровольческой армии. Генералу Деникину я сообщил основания, на которых проектировалось образование крымской краевой власти: 1) Крымское правительство чуждо всякого сепаратизма и стоит за единую неделимую Россию; 2) Крымское краевое правительство является образованием временным и при объединении Добровольческой армией областей Юга России сложит свои полномочия и будет заменено обыкновенным губернским управлением; 3) Крымское краевое правительство восстанавливает внутреннее управление и не образует собственной военной силы, поэтому Добровольческая армия вводит свои гарнизоны постепенно, вслед за уходом немецких войск, при этом Правительство Главнокомандующего Вооруженными Силами на Юге России должно было: 1) не вмешиваться в дела внутреннего управления; 2) не предрешать формы правления Российского государства; 3) признавать временно автономию Крыма и 4) преследовать попытки возбуждения классово-борьбы и национальной вражды. Генерал Деникин одобрил все наши предположения и обещал немедленно по уходу немцев переправить через Керченский пролив необходимые воинские части для поддержания порядка и защиты Крыма. Обязательство не вмешиваться во внутренние дела Крыма было подтверждено генералом Деникиным в письме на имя С. С. Крыма¹⁹. В Екатеринодаре я принял участие в краевом съезде Кд. Было решено активно поддерживать генерала Деникина в борьбе с большевиками и принять участие в организованном при Добровольческой армии Правительстве — «Особом Совещании». На съезде принимал участие П. Н. Милюков, он выступил с объяснением по поводу своей ориентации. Немцы были разгромлены. В Екатеринодаре только что были получены обещания союзников поддержать Добровольческую армию в борьбе с большевиками, ждали прибытия эскадры в Новороссийск и настроение было враждебным немецкой ориентации. В конце своей речи П. Н. Милюков сказал: «я заблуждался, но в своем заблуждении я руководствовался любовью к России». Все объяснение произвело на меня тягостное впечатление, ибо я продолжал считать, что, несмотря на победу союзников, противобольшевистским движением был упущен благоприятный момент, и что при поддержке немцев Добровольческая армия могла бы занять Москву, пока большевики еще не [окрепли — А. П.], вместо чего она задержалась на Кавказе, ведя тяжелую, горную, местную войну. Для окончания вопроса об образовании краевой власти, Таврическая губернская земская управа созвала губернских гласных пяти уездов Крымского полуострова (Ялтинского, Феодосийского, Евпаторийского, Симферопольского, Перекопского). Собрание одобрило начатые переговоры с генералом Деникиным и вышеприведенные основания для соглашения, и поручило образование правительства С. С. Крыму. Социалисты настаивали на том, чтобы образуемое правительство было ответственно перед съездом губернских гласных пяти крымских уездов, группа Кд решительно возражала, соглашаясь лишь на периодический созыв совещаний губернских гласных крымских уездов и представителей городов, на которых правительство должно было знакомить общественные круги с общим положением, при этом Кд аргументировала тем, что Правительство создается временное, с определенным заданием поддержать порядок в крае до образования Всероссийской власти, что у Правительства должны быть свободные руки, и ему должно быть оказано

доверие. Гарантия не проведения партийности давалась введением в состав правительства социалистов [одного эсера и одного плехановца. — Вычеркнуто автором. — А. П.], но не по назначению групп, а по персональному приглашению С. С. Крымом. В результате был установлен компромисс, согласно которому, в случае если общепризнанная российская власть не будет образована в течение ближайших восьми месяцев, Крымское краевое правительство должно созвать Крымский Сейм, положение о коем предварительно должно быть представлено на утверждение земско-городского съезда²⁰. Состав правительства был намечен еще ранее в процессе переговоров с отдельными лицами и группами, в него вошли: из принадлежащих к кд партии, кроме С. С. Крыма, взявшего на себя помимо обязанностей председателя совета министров и обязанности министра земледелия, В. Д. Набоков (министр юстиции), М. М. Винавер (министр внешних сношений) и я, причем, кроме министерства внутренних дел, мне было поручено ведение военным и морским имуществом, из социалистов вошли: от эсеров С. А. Никонов (министр народного просвещения) и плехановец П. С. Бобровский (министр труда и государственный контролер)²¹. Таким образом, правительство было образовано с преобладающим кадетским большинством, участие двух социалистов давало правительству дополнительную гарантию поддержки социалистов. Позднее были привлечены в состав правительства министром продовольствия и путей сообщения беспартийный прогрессист А. А. Стевен, бывший член губернской управы и председатель губернского продовольственного комитета, и А. П. Барт, на которого было возложено управление министерством финансов²².

Заведование военным и морским имуществом возлагал[о] на меня очень большую и ответственную работу. Это имущество в Севастопольской крепости и в Керченском крепостном районе было очень значительно. Моим помощником по управлению военным имуществом был генерал Мильковский. Управление морским имуществом скоро было передано адмиралу Канину, который был назначен морским министром. Как я уже писал, собственной военной силы Крымское правительство создавать не хотело, тем не менее сохранение многочисленных военных складов, необходимость сношения по вопросам снабжения из них с командованием Добровольческой армии было само по себе слишком ответственным делом, чтобы совмещать его с еще более ответственной работой по министерству внутренних дел, поэтому я настойчиво просил освободить меня от заведования этим имуществом. Правительство обратилось к генералу Деникину с просьбой рекомендовать подходящее лицо для занятия поста военного министра, который, будучи близок к Добровольческой армии и работая в нашем составе, являлся бы лишней связью армии и Краевого правительства. Генерал Деникин рекомендовал нам генерала Бутчика, человека, старого, инертного и малообразованного, который совершенно не мог войти в нашу дружную работу. После его назначения военным министром фактическую работу стал нести генерал Мильковский, оставшийся товарищем военного министра.

Крымское государственное образование было временное и все министры, не жившие ранее в Симферополе, решили не перевозить семьи, поэтому мы устроились в бывшем губернаторском доме, заняв каждый одну из многочисленных комнат. Там же мы все обедали. Такой порядок был удобен еще и тем, что в том

же доме происходили заседания совета министров, обыкновенно затягивавшиеся до глубокой ночи, что облегчало возможность устраивать летучие заседания по спешным вопросам. Работы было чрезвычайно много и не хватало суток.

Первые добровольцы пришли в Керчь, командовал ими генерал Корвин-Круковский. Я знал генерала по Первому кубанскому походу, когда он был комендантом обоза и был еще в чине полковника. Храбрый человек, прошедший всю армейскую школу, малообразованный, ничего не понимавший в политических вопросах и решавший все вопросы элементарно просто²³.

Добровольцев пришло очень мало. В Крыму были предположены свои формирования, которые были поручены генералом Деникиным начальнику Крымского центра, генералу де Боду и полковнику Дорофееву. Формирование началось в Ялте образованием офицерского отряда, кроме того, частью из местных офицеров, частью из приехавших с Кубани, был образован особый отряд для охраны Великого князя Николая Николаевича, отряд этот был расквартирован близ его имения Чаир недалеко от Кореиза. Оба отряда на фронт не были отправлены, оставались в Ялтинском районе и совершенно самочинно взяли на себя функции контр-разведки, производя самочинные аресты и обыски.

Союзная эскадра пришла в Севастополь 26 ноября под командой английского адмирала Кольторпа. [Я не ездил в Севастополь. — вычеркнуто автором. — А. П.] Для встречи поехали С. С. Крым, М. М. Винавер и В. Д. Набоков. Адмиралу Кольторпу была подана записка от имени правительства и Добровольческой армии. Кольторп сначала принял де Боду и Дорофеева, а затем членов правительства. Союзники были совершенно не осведомлены о положении на юге России и о характере борьбы с большевиками. На произнесенную С. С. Крымом приветственную речь адмирал Кольторп ответил, что он имеет лишь определенную миссию военного характера, увезти корабли, чтобы они не попали в руки большевиков, и кроме того имелось ввиду продемонстрировать свободное отныне плавание по Черному морю союзного флота, и что он, не имея инструкций, никаких переговоров вести не может. Впрочем, адмирал скоро получил инструкции, и представители английского командования приехали в Симферополь, где мы их чествовали банкетом, при этом иностранцы усиленно пили и хвалили удельные вина. Для облегчения сношения с союзниками в Севастополь переехал М. М. Винавер, где и жил до падения Крыма, приезжая лишь на некоторые заседания совета министров. У меня было очень много работы, ибо на мне лежала большая часть той работы, которая обычно лежала на губернаторе. Много забот давала и большая преступность и большевистская пропаганда, которая, правда, неорганизованно, но несомненно велась большевиками. Государственной стражей заведовал Б. П. Обнинский²⁴, бывший судебный деятель, человек твердый и высококультурный, он очень мне облегчил работу, в общем в этот период население Крыма пользовалось личной безопасностью, в большей мере, чем в период, когда Временное правительство отстранило полицию, и была наскоро набрана милиция, грабежей и нападений на отдельные усадьбы почти не было.

Много времени отнимало рассмотрение ходатайств о предоставлении кредитов для городских и земских общественных управлений для поправления

расстроеного большевиками хозяйства, кризис усугублялся плохим поступлением земских и городских налогов.

Военное командование с самого начала ревниво относилось к некоторым ограничениям своей власти, предусмотренным соглашением Крымского правительства с генералом Деникиным. Отношения с генералом де Боде так обострились, что мы настояли на его отозвании. На его место был назначен генерал Корвин-Круковский, но отношения и с ним не налаживались. Стремление захватить власть в сфере гражданского управления заставило Корвин-Круковского настойчиво ходатайствовать о введении военного положения, на правительство сыпались в Екатеринодар доносы и обвинения в слабости и в потворстве большевикам. Часто по прямому проводу приходилось говорить с членами Особого совещания и выяснять действительное положение.

Благодаря успехам Добровольческой армии, северные уезды — Мелитопольский, Бердянский и Днепровский — были освобождены от большевиков и могли быть вновь присоединены к Крыму, но в них действовал устав о полевом управлении войск, при котором фактически вся власть была в руках командования. Близкие нам земские круги в этих уездах ходатайствовали о воссоединении с Крымом и установлении общего управления. После переговоров с Екатеринодаром это до известной степени было достигнуто тем, что товарищ министра внутренних дел Ф. В. Татаринов был командирован в Мелитополь и ему подчинено было гражданское управление, но так как устав о полевом управлении войск продолжал действовать, власть его была очень ограничена. Тем не менее кое-что в области снабжения и улучшения положения самоуправлений удалось сделать. К этому времени командующим Крымско-Азовской армией был назначен ген. Боровский и начальником его штаба генерал Пархомов. Генерал Корвин-Круковский был переведен в Мелитополь для командования на линии фронта. Первое время отношения с генералом Пархомовым, ведавшим политическую часть, как будто наладились, но вскоре выяснилось, что хлопоты о введении военного положения и о предоставлении Боровскому прав Главноначальствующего продолжаются, и что продолжалось также своеволие отдельных офицеров и контрразведывательных частей, оно по-прежнему питалось потворством и сочувствием высшего командования²⁵. В Ялте было два уже прямо уголовных случая: убийство мальчика-еврея, причем отобранный у убитого велосипед оказался у чинов офицерского отряда, и они даже не стеснялись открыто на нем ездить, и убийство коммерсанта, также еврея, при котором была крупная сумма денег (около сорока тысяч).

По поручению В. Д. Набокова Н. Н. Таганцев, бывший сенатором²⁶, вел энергично расследование, но дело пришлось бросить, так как замешанных лиц перевели на фронт или на Кавказ за пределы нашей досягаемости. Несколько позднее, но того же характера, случай произошел близ Кореиза, где был расквартирован несший охрану Великого князя отряд: на своей даче был убит известный французский подданный, промышленник Гужон. Отряд вооруженных людей в военной форме окружил дачу Гужона, семья еще не спала, были даже гости, несколько человек вошло в столовую и на глазах женщин и детей Гужон был убит выстрелом из револьвера, стрелявший сказал, что он убивает изменника²⁷. Поводом, вероятно, послужили разговоры в высоких кругах об умышленном изготовлении во время

войны на заводе Гужона большой партии снарядов не по образчику, благодаря чему снаряды были забракованы.

Особенных размеров своеволие достигло в северных уездах, где оно явно поощрялось Корвин-Круковским. Когда положение стало совершенно невыносимым, мы решили попытаться путем личных переговоров с Деникиным добиться коренного изменения созданного представителями Добровольческой армии положения. В начале февраля я, С. С. Крым и П. С. Бобровский выехали в Екатеринодар. Правильных пароходных рейсов еще не было, и мы поехали на небольшом пароходе «Черноморец», бывшем в нашем распоряжении. В Екатеринодаре нам сообщили по прямому проводу, что в Мелитополе добровольцы-офицеры арестовали члена группы «Единство», очень умеренного Г. Маркова и гласного губернского земства Алясова, последний принадлежал к партии эсеров, но настроен был непримиримо к большевикам и был ярым сторонником Добровольческой армии, что много раз высказывал публично. Оба были убиты. Бесцельная смерть честного, горячего и деятельного Алясова привела нас в полное отчаяние. Когда мы сообщили Деникину о всех случаях своеволия, он, видимо, был также возмущен, но потом подумав сказал: «что же вы хотите, я ведь знаю о своеволии и распущенности в армии и уже доволен тем, что пока мои боевые приказы исполняются». После этих слов плохо верилось, что будет достигнуто изменение создавшегося положения. С членами Особого совещания мы выяснили ряд вопросов, установили порядок снабжения Крыма денежными знаками из Ростова²⁸ и выпуска мелких денежных знаков 5, 10 и 25 рублевого достоинства Крымским правительством²⁹, вырешали некоторые вопросы по снабжению и на том же пароходе «Черноморец», который ждал нас в Новороссийске, вернулись в Крым.

Чтобы парализовать постоянные толки и обвинения в том, что мы потворствуем большевикам, по соглашению с командованием армии было образовано особое совещание из министра юстиции В. Д. Набокова, меня, как министра внутренних дел, и генерал-квартирмейстера Крымско-Азовской армии генерала Петрова³⁰. Это совещание рассматривало дела, возникавшие по почину контрразведки, и решало вопросы о задержании лиц, арестованных как контрразведкой, так и отдельными добровольцами. Контрразведка действовала очень плохо, почти все дела прекращались вследствие их явной вздорности и отсутствия каких-либо улик, при этом наши постановления были единогласны. А между тем агитация большевиками велась интенсивно, большевикам сочувствовали крестьяне русских поселков и рабочие, профессиональные союзы были явно захвачены большевизмом. Правительством был произведен ряд арестов среди рабочих и начато несколько судебных дел. Положение правительства осложняли социалисты, и в печати, и в Симферопольской городской думе постоянно возобновлялись нападки на правительство и из-за эксцессов, которые допускала Добровольческая армия, и из-за произведенных правительством арестов лиц, обвиняемых в большевизме.

Шестого и седьмого марта в Ялте состоялось заседание центрального комитета кадетской партии, расширенного кооптацией некоторых лиц, о котором я писал раньше. В заседании приняли участие и вновь приехавшие члены ЦК П. И. Новгородцев и Пав. Д. Долгоруков. Центральный комитет одобрил деятельность Крымского правительства, что было выражено в особой резолюции.

Между тем военное положение стало ухудшаться, недавние успехи сменились неудачами, и Добровольческая армия стала отходить под натиском большевиков. Командование принимало меры к укреплению Перекопского перешейка, но явно недостаточные. По этому поводу мы делали неоднократные и настойчивые представления. В самом Крыму было мало войск. Происходило формирование прежних полков, для чего выделялись кадры однополчан — это удерживало большое количество офицеров в тылу. Попытки мобилизации не удавались, татары не шли, убегая в горы, а мобилизация в северных уездах близ линии фронта вызывала массовый уход молодежи к большевикам, что усиливало большевиков и давало им импульс двигаться вперед³¹. Командованием была предложена чудовищная мера — брать насильно стариков вместо убежавших призванных, к счастью, эта мера не получила одобрения, иначе у нас в горах началась бы домашняя война с татарами. В Севастополе среди рабочих усиливались большевистские настроения, газета Могилевского «Прибой» вела противоправительственную кампанию, направленную в сторону соглашения с большевиками. Усилилась агитация против правительства и среди татар; произведенные у видных татар Хататова, Озенбашлы и др. обыски обнаружили наличность соглашения и с большевиками, а также участие в противодействии мобилизации. Двенадцатого марта состоялась в Севастополе конференция профессиональных союзов, она постановила: «стремиться к низвержению ненавистного правительства и введению советской власти, поддержать всеобщей забастовкой геройскую красную армию, борющуюся на границах Крыма». После чего всеобщая забастовка началась в Севастополе. Советом министров единогласно был принят ряд законов для борьбы с большевиками: был отменен явочный порядок для устройства собраний, установлено право ареста в административном порядке и установлено право конфискации и закрытия газет за агитацию против армии.

Ввиду того, что Симферопольский профессиональный союз металлистов нарушил запрещение устройства собраний явочным порядком и вынес на собрании резолюцию аналогичную с вышеприведенной Севастопольской, было дано распоряжение арестовать президиум союза, но затем произошло обстоятельство, сильно осложнившее работу как министра юстиции, так и министра внутренних дел — группа офицеров напала на чинов государственной стражи, ведших арестованных металлистов, отбила арестованных, и, отведя за город, расстреляла — это не дало возможности произвести намеченные дальнейшие аресты. Почти следом за этим 18 марта добровольческая офицерская часть, сопровождавшая перевозившиеся в Керчь двадцать арестантов, в дороге перебила их. Все эти факты заставили приостановить намеченные меры и вызвал[и] горячие нападки на правительство в городской Симферопольской думе со стороны не только социал-демократов, но и социалистов-революционеров. В такой атмосфере собрался 19 марта земско-городской съезд. Генерал Боровский сделал на съезде доклад о положении на фронте. Мелитополь был сдан еще 15-го, войска стягивались к Перекопскому перешейку и Чонгарскому полуострову. Генерал Боровский заявил, что Добровольческая армия решила твердо защищать Крым. На съезде эсеры подвергли резкой критике принятый Крымским правительством закон, закреплявший за арендаторами право на продолжение аренды и запрещавший произвольное

повышение арендной платы. Закон, конечно, не разрешал земельного вопроса, но чрезвычайно облегчал положение арендаторов. Эсеры, ввиду несогласия с принятым законом, выдвинули требование об отозвании из состава правительства С. А. Никонова. При обсуждении общеполитического вопроса социал-демократы высказались против гражданской войны. Могилевский требовал, чтобы правительство, созданное общественными кругами Крыма, ушло и не брало на себя ответственности за действия Добровольческой армии. Возражая, мы указывали, что от ответственности уйти нельзя, и что иногда берешь больше ответственности, когда уходишь, чем когда остаешься. Положение тяжелое, но в настоящих условиях необходимо принять все меры, чтобы поддержать Добровольческую армию и энергично бороться с большевистской агитацией. Как меру для усиления обороны мы предлагали мобилизовать интеллигенцию. Многие эсеры высказались против мобилизации, указывая, что это задержит созыв сейма. На съезде большинство все же поддержало правительство. Несмотря на все принятые меры, привлечь к ответственности виновников недавних расстрелов оказалось невозможно, как и всегда в подобных случаях, офицеры были переведены из Крыма. Это вызвало новые нападки на правительство. Всеобщая забастовка в Севастополе кончилась, но положение продолжало оставаться напряженным. Большевики стягивали к перешейку все больше и больше сил. По имевшимся у нас сведениям, укрепления Перекопского перешейка и Чонгарского железнодорожного моста были едва начаты. Потеряв надежду, что Боровский сумеет организовать работу по укреплению, правительство 21 марта предложило инженеру С. Н. Чаеву взять на себя работу по укреплению перешейка и отпустило на это нужные средства. Генерал Боровский охотно дал на это свое согласие. С. Н. Чаев со свойственной ему энергией принялся за работу — он пригласил группу молодых инженеров и кое-что ему все же удалось сделать, к сожалению, время было уже упущено. Двадцать пятого марта было большевиками взято Сальково, у самого Чонгарского полуострова, на позиции прикрывавшей железнодорожный мост было очень мало войск, чуть не единственный отряд около тысячи человек, присланных первоначально из Екатеринодара, который к тому же был ненадежен, ибо наполовину состоял из пленных красноармейцев, взятых в Ставропольской губернии. Многочисленные тыловые отряды на фронт не шли. Предложение французского командования об образовании *brigades mixtes* [фр. смешанные бригады] из русских и французов было заносчиво отвергнуто Деникиным³². Несмотря на все это, новых воинских частей из Екатеринодара не посылалось, и в ответ на повторную просьбу было получено предложение произвести мобилизацию. Видя невозможность отстоять Крым при наличных силах, Правительство и Командующий Азовско-Донской армией [правильно — Крымско-Азовской Добровольческой армией. — А. П.] обратился с просьбой к французскому командующему генералу [в действительности — адмиралу. — А. П.] Амету дать воинские силы для защиты Крыма. С такой же просьбой С. С. Крым и В. Д. Набоков обращались к приезжавшему в Севастополь французскому главнокомандующему Франше д'Эспере. Представители французского командования ездили на фронт осматривать наши позиции и обещали дать сенегальские войска. Но войска все не шли, а положение все ухудшалось. Двадцать шестого я ездил вместе с С. Н. Чаевым на фронт, положение оказалось

хуже, чем я думал: на Чонгарском полуострове было всего пятьсот-шестьсот солдат из той же присланной ненадежной части, о которой я писал выше, офицеры нам говорили, что каждую ночь из части бегут к большевикам солдаты. Близ моста стояла батарея, пушки были старые, 73-го года, привезенные из Севастополя, правда, довольно большого калибра, батарею обслуживали офицеры, которые говорили, что обыкновенные полевые орудия сметут в полчаса такую батарею. Вернувшись, я узнал, что генерал [адмирал. — А. П.] Амет послал на Перекопский перешеек две роты греческих войск³³.

Эсеры все еще критиковали действия правительства и упрекали нас в недостатке демократизма. Вечером в день моего возвращения с фронта на заседание совета министров пришла депутация, в которую входили Симферопольский городской голова А. В. Фосс, Жиров, Диканский и Вишняк. Они протестовали против принятого незадолго перед этим постановления отложить назначенные на апрель выборы в Крымский Сейм³⁴ и угрожали отозвать из состава правительства С. А. Никонова. На наши указания, что обстановка такова, что сейчас нельзя думать о каких-либо выборах, делегаты заявили: «мы могли бы, в случае отсрочки выборов, не отзывать Никонова, только в этом случае, если бы был принят наш проект арендного закона»³⁵. Я говорил, что упреки в недемократичности несправедливы, что мы честно исполняли принятые на себя обязательства и все время оставались на почве закона, несмотря на то, что работу нам чрезвычайно затрудняли. Я говорил горячо, С. С. Крым все время ходил из угла в угол, и когда я кончил, сказал: «и как это Вы можете говорить и отвечать в такое время», он вышел из комнаты и через минуту вернулся с телеграммой, сообщавшей, что Чонгарский мост через Сиваш взорван, и что Добровольческая армия отошла на полуостров.

Занятие Чонгарского полуострова большевиками и главное — недостаток сил для обороны переправ и перешейка — создали условия, при которых падение Крыма стало реальной и близкой возможностью. Правительство начало готовиться к эвакуации, желая обеспечить возможность уехать всем тем, которые были скомпрометированы активным участием в борьбе с большевиками. Главноуполномоченным по эвакуации был назначен Коринский.

Под влиянием безвыходного положения на фронте происходили несогласия и в штабе командования. Двадцать восьмого стало известно, что начальник штаба ген. Пархомов подал в отставку, и что генерал Боровский телеграфировал Деникину предложение отозвать Добровольческую армию, мотивировка была неизвестна, но уже на другой день утром правительством была получена от Деникина телеграмма, составленная в недопустимо резком тоне, с угрозой в случае, если военное положение не будет введено, отозвать Добровольческую армию³⁶.

После переговоров с Боровским им была послана Деникину телеграмма, что он считает невозможным взять на себя гражданское управление и считает ненужным введение военного положения. Под председательством генерала Боровского был образован комитет обороны из председателя совета министров, министра внутренних дел, министра внешних сношений и главноуполномоченного по обороне С. Н. Чаева, он же был назначен управляющим делами комитета. Первого апреля была получена от Деникина телеграмма, что он согласен с предложением Боровского. Четвертого апреля Боровский, Крым и командующий французскими

войсками полковник Труссон ездили на фронт. Опять обещания присылки сене- гальских войск. У всех была потеряна надежда на возможность отстоять Крым³⁷. Началась планомерная эвакуация, пожелавшие выехать служащие и их семейства перевозились в Севастополь. Туда же переехали и многие правительственные учреждения, и наконец весь состав совета министров, за исключением меня. Я остался в Симферополе потому, что получил особое поручение. Привожу по- становление совета министров крымского краевого правительства от 6 апреля 1919 г. за № 1370:

«В связи с военными событиями последних дней Совет Министров постановил:

1) На всей территории Крымского полуострова за исключением Сева- стопольского округа объявляется военное положение.

2) Командующему Крымско-Азовской Добровольческой армией присва- иваются все предусмотренные приложением к ст. 23. Общ. Учрежд. Губерн. (св. зак. Т. 2.) права командующего Армией в местностях, объявленных на военном положении, а также предусмотренные тем же положением права Генерал-Губернатора в указанных местностях.

3) На министра внутренних дел возлагаются обязанности помощника Генерал-губернатора по гражданской части.

4) Настоящее постановление вступает в силу 6 апреля 1919 года в 12 ча- сов дня.

С. Крым, Влад. Набоков, Н. Богданов, М. Бутчик, С. Никонов, М. Винавер, А. Стевен, А. Барт, П. Бобровский».

Я принимал меры, чтобы обеспечить и облегчить выезд служащих в пра- вительственных учреждениях, которые еще не выехали в Севастополь. Так как губернаторский дом был кем-то обстрелян, я переехал в Европейскую гостиницу, где помещался штаб Боровского, там еще более чувствовалась безнадежность продолжающейся борьбы. С фронта поступали сведения о стягивании больше- виками больших сил, между прочим значительных кавалерийских частей, а под- крепление не приходило ни от Деникина, ни от французов. Помню, за день до занятия большевиками Перекопа и Армянска М. М. Винавер сказал мне по прямому телеграфному проводу, что получено известие об отправке наконец сене- гальских войск, и что правительство опубликовало в Севастополе успокаивающее населе- ние сообщение. Я ответил, что опубликовывать такое успокаивающее сообщение в Симферополе не буду, ибо считаю, что войска не успеют вовремя прибыть. В го- роде формировалась под начальством пленного немецкого лейтенанта охрана, немцы вошли в соглашение с городским самоуправлением и с профессиональ- ными союзами. Они сделали даже попытку задержать бывшие в распоряжении комитета обороны автомобили. По слухам, образовался большевистский совет. Наконец конная часть большевиков обошла вброд около Перекопа и Армянска нашу заградительную линию, это заставило генерала Корвин-Круковского спешно оставить занимаемые позиции, бросив оборону Крыма, спешно начать отход через Джанкой на Феодосию и Керчь. По получении известий об оставлении фронта,

находившиеся в Симферополе войсковые части начали отходить через Карасубазар на Феодосию и Керчь. Штаб Боровского выступал в том же направлении 9 апреля в 8 часов вечера. Остаться дальше в Симферополе было и бесцельно, и опасно, вошедшая в контакт с большевистствующими элементами немецкая охрана после ухода добровольцев могла нас задержать и выдать большевикам, поэтому одновременно с последними добровольцами, но в другие ворота, я вместе с инженером С. Н. Чаевым, некоторыми членами государственной стражи и работавшими у Чаева инженерами, выехали на нескольких автомобилях в Севастополь. Было совершенно темно, когда мы проехали Бахчисарай, недалеко от Севастополя мы еще издали увидели стоявший автомобиль с горящими фонарями, автомобиль был совершенно пуст, но все сидение было залито кровью, мотор оказался в порядке и мы взяли автомобиль с собой. Впоследствии выяснилось, что оставленный автомобиль был обстрелян какой-то бандой, шофер убит, а ехавшие в автомобиле два офицера соскочили и отбежав в кусты открыли по нападавшим стрельбу из имевшихся при них винтовок, отбив нападение, они уехали в Севастополь с одной из проезжавших подвод и увезли убитого шофера.

В Севастополе шла уже посадка беженцев на пароходы. Уезжавшим служащим выдавали трехмесячное жалование, им были обеспечены все выезжавшие через Севастополь. Члены правительства решили ехать в Константинополь, я тоже хотел выехать за границу, но считал необходимым, чтобы кто-либо из правительства выехал на Кавказ, куда эвакуировалось большинство служащих правительственных учреждений Крыма. Целый ряд выехавших из Евпатории, Ялты, Алушты и Феодосии, не смогли получить эвакуационных денег, многие не получили и жалования за текущий месяц, нужно было чтобы кто-нибудь озаботился этим по приезде беженцев на место. Я решил ехать на Кавказ и Совет министров постановил поручить мне выплатить эвакуационное пособие всем тем, кто не успел его получить в Крыму. Это постановление Совета министров состоялось 10 апреля и было последнее, в котором я участвовал. По предложению С. Н. Чаева я воспользовался для отъезда принадлежащим ему маленьким наливным пароходом (для перевозки нефти) «Эдинька», пароход был так мал, что вода была лишь на полтора аршина от палубы, в маленькой каюте едва могли поместиться три человека, но погода была чудная и опять было хорошо и на палубе. На пароходе должны были ехать С. Н. Чаев с семьей, моя семья, некоторые члены государственной стражи и группа молодых инженеров, работавших у Чаева. Отход парохода назначен был 12 апреля, мы сели на пароход накануне поздно вечером и, боясь конфискации парохода со стороны иностранного командования, вышли из главной бухты и зашли на ночь в одну из небольших бухт близ Херсонеса. К несчастью был большой туман, и мы сели на мель в бухте — на каменную пересыпь, насыпанную, как говорят, еще при обороне Севастополя в 1853 году казаками. Чтобы поднять пароход и снять его с мели, нужно было выкачать цистерны, наполненные водой. Инженеры долго собирали насос, который был неисправен и нам удалось сняться лишь к утру. Со стороны Балаклавы слышна была стрельба и мы провели несколько неприятных часов, опасаясь быть взятыми большевиками. Снявшись с мели, мы зашли в боковую бухту близ Севастопольского базара, наполнили цистерны пресной водой из водопровода и послали в город закончить последние дела. На рейде

стояли пароходы с черными войсками, пришедшими слишком поздно. Настроение французских матросов было ненадежно, разложение явно коснулось и их, перед отъездом я видел на Нахимовском проспекте линейку, на которой ехало несколько французских матросов и каких-то женщин, причем один из матросов плясал, держась за кучера и держал в руках бутылку, было это днем и сам видел, как шедший навстречу французский офицер отвернулся. Мы вооружили наш пароход, поставив на носу пулемет, кроме того, у нас было 15 винтовок — на носу для них была сделана стойка. Погода была хорошая, море тихое и мы плыли вдоль берега, мимо Фороса, Симеиза, Алупки, Ялты и Гурзуфа — все знакомые и дорогие места, было тяжело и тревожно за многих близких, которые остались в Крыму. На траверсе Феодосии мы повернули на Анапу, куда и пришли в полдень на другой день. Не задерживаясь в Анапе и не заходя в Новороссийск, мы пошли, пользуясь хорошей погодой, в Туапсе. В Туапсе мы узнали, что армия, отходя из Крыма, задержалась в узком месте Керченского полуострова, были посланы подкрепления, и вскоре была создана заградительная линия, обороне которой много помогли английские военные суда, стрелявшие по перешейку и со стороны Черного моря (дредноут «Король Индии») и со стороны Азовского (миноносцы).

Устроив семью в Туапсе, я выехал в Екатеринодар и Новороссийск. Новороссийск был переполнен, беженцы были размещены в нескольких больших зданиях. Я увидел впервые ставшую потом знакомой картину: семьи располагались на полу, отделяя занятое пространство узлами и корзинами. Тут я узнал о несчастном случае на пароходе «Рион», происшедший в Севастополе. Большевики подложили бомбы большой разрушительной силы, часть их была обнаружена чинами государственной стражи, ехавшими на пароходе, но одна взорвалась в трюме, было убито и ранено несколько человек — все женщины и дети. Один из организаторов покушения был арестован на пароходе и выдал своих соучастников в городе. По указанному адресу они были разысканы, арестованы и расстреляны. Разыскав несколько своих сотрудников по министерству, я организовал комиссию, которая проверяла и оплачивала претензии к Крымскому правительству со стороны эвакуированных служащих. Всем, не получившим в Крыму, было выплачено жалование и эвакуационные, кроме того, я вел переговоры о поступлении на службу эвакуированных лиц. Очень многие были вскоре устроены. В Новороссийске я убедился, что приезд в Новороссийск кого-либо из состава правительства был совершенно необходим, несомненно было бы много нареканий на правительство, говорили бы, что мы бросили своих сотрудников в трудную минуту.

В Екатеринодаре оживленно комментировалась недавняя крымская катастрофа, круги близкие к главному командованию обвиняли крымское правительство в стремлении к сепаратизму, в слабости, в стремлении соблюдать нормы закона, несмотря на чрезвычайные обстоятельства и в нежелании, несмотря на наличность этих обстоятельств, передать гражданское управление военной власти, другие обвиняли Добровольческую армию в нежелании защищать Крым, доводя это обвинение до утверждения, что Крым был сдан нарочно, чтобы с одной стороны ликвидировать крымское правительство, а с другой стороны распутать сложный узел отношений, создавшийся в Севастополе между союзниками и Добровольческой армией. Я думаю, что последнее утверждение, конечно, неверное, но несомненно

одно — искреннего желания защищать Крым у Деникина не было и им ничего не было сделано для защиты Крыма³⁸. Упреки в сепаратизме были совершенно не основательны, среди нас не было представителей местных национальных групп, все мы были сторонниками «Единой России», сама первоначальная идея образования Крымского правительства возникла как противовес домогательством Украины, желавшей захватить Крым. Мы смотрели на наше государственное образование, как на временное. Мы желали сохранить начала законности и порядка в крае в период гражданской войны до тех пор, пока окрепнет русская государственность. Работу свою мы мыслили в тесном контакте с Добровольческой армией, которая боролась за те же идеалы. Поэтому-то мы и не образовали своей армии. Мы все время стремились сохранить за Крымом характер правового государства, имея в своем составе таких тонких юристов, как В. Д. Набоков и М. М. Винавер, издаваемые законодательные акты и распоряжения были глубоко продуманы и тщательно отредактированы. Я думаю, что в Крыму было самое грамотное законодательство, из законодательства русского смутного времени, — мы создали здание тонкой филигранной работы. Я часто спрашивал себя: не была ли наша попытка утопией. Думаю, все же, что нет, кое-что было достигнуто: в этот период в Крыму жизнь и имущество были охранены, существовал суд и пользовался уважением, снабжение было достаточно и цены возросли мало, правительство пользовалось доверием и выпущенные им денежные знаки были приняты населением охотно, учебные заведения функционировали правильно, местные самоуправления работали интенсивно и их самостоятельность не была стеснена. Что погубило нашу попытку? Я думаю, что главную причину нужно искать не в своеволии агентов Добровольческой армии, малограмотных и развращенных атмосферой безнаказанности и безответственности, хотя их вмешательство затрудняло нашу работу, главную причину нужно искать в отношении социалистов разных толков, которые, боясь упреков в недостаточном демократизме, все время соскальзывали на соглашательство с большевиками, они нас поддерживали лишь постольку, поскольку мы не применяли принудительного аппарата власти и оставляли нас в самую тяжелую минуту, начиная общий крик с большевистствующими кругами, как только мы под влиянием необходимости принимали репрессивные меры против элементов, расшатывавших государственные устои. В малом масштабе вновь повторилась трагедия Временного Правительства. В кругах Особого Сопровождения отношение к Крыму было двойственное: члены совещания кадеты Н. И. Астров, М. М. Фёдоров и [В. А.] Степанов, хотя и не очень интересовались Крымом, но, конечно, понимали всю вздорность обвинений, возводимых правыми группами, правые же группы видели в существовании Крымского правительства угрозу идее великодержавности, обвинения их были и добросовестны, и недобросовестны. Начальник штаба Добровольческой армии генерал Романовский встретил меня очень внимательно, я подробно, долго и искренне с ним говорил, он признал, что в отношении Крыма были допущены ошибки. После разговора с Романовским мне стала еще яснее ситуация в Особом Сопровождении. Там шла глухая борьба с одной стороны кадетов и прогрессистов, во главе которых стоял Астров, а с другой стороны правых консерваторов, которыми руководил генерал А. М. Драгомиров, и за спиной которого за кулисами стоял Кривошеин. Романовский стоял на стороне прогрессистов

и поэтому против него была открыта демагогическая травля и беззастенчивая агитация среди рядового малообразованного офицерства, приведшая впоследствии к выстрелу в портале русского посольства в Константинополе, которым был убит генерал Романовский³⁹.

Генерал Деникин принял меня дружески, вспоминал Ледяной поход, в котором мы оба участвовали и явно уклонялся от разговора о Крыме, — когда я все же о Крыме заговорил и сказал, что Крыму не была оказана поддержка, он возразил, что общее положение было таково, что без риска нельзя было дать войска на второстепенный фронт, и затем тотчас же стал говорить, что направление работы министра внешних сношений Крымского правительства М. М. Винавера было вредным. Я возражал и указал, что никакой своей линии Винавер не вел, и что весь состав правительства был солидарен. Я понял ясно, что Деникин совершенно не разбирается в характере нашей работы, да и не хочет разбираться, и что он повторяет ходячие обвинения правых, что еврей Винавер стремился вредить русской государственности, и прекратил разговор. Деникин меня спросил, что я хочу делать, я сказал, что рассчитываю проехать в Омск, к Колчаку, а затем во Владивосток, куда у меня есть поручение от Комитета Всероссийского земского союза по ликвидации оставшегося там имущества. Услышав упоминание о Колчаке, Деникин кивнул головой и сказал: «ну, да, конечно». На другой день мне прислали через генерала Романовского удостоверение на право ношения «Знака отличия первого Кубанского похода» I степени (в тексте значится «в воздаяние воинской доблести и отменного мужества в боях и понесенных беспримерных трудов и лишений в первом Кубанском походе»), еще через два дня было опубликовано, что ввиду отъезда Крымского правительства из Крыма полномочия его прекращаются.

*Hoover institution archives (HIA). Stanford University.
Krymskoe Kraevoe Pravitel'stvo records. Box/Folder 2: 24.
Krymskoe Kraevoe Pravitel'stvo (The Crimean Regional Government),
by Minister N. N. Bogdanov (Bogdanoff), circa 1919. P. 1–28.*

* Исследование подготовлено при поддержке президентского гранта по государственной поддержке научных исследований молодых российских ученых — докторов наук № МД-5771.2018.6 «Духовный форпост России в эпоху войн и революций: православное духовенство Крыма в 1914–1920 гг.».

¹ Набоков В. Д. Крым в 1918/19 гг. / публ. А. С. Пученкова // Новейшая история России. 2015. № 1. С. 221–257; Обзор взаимоотношений между Крымским Правительством и Добровольческой армией за период декабря 1918 г. — апреля 1919 г. / публ. А. С. Пученкова // Новейшая история России. 2016. № 3 (17). С. 211–224.

² Подробнее см.: Богданов Н. Н. Крым при Временном правительстве: (из воспоминаний) // Местное самоуправление: тр. о-ва для изучения город. самоуправления в Чешской респ. Прага, 1927. Вып. 4. С. 160–185.

³ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф.Р-5881. Оп. 2. Д. 255. Богданов Н. Н. Организация Добровольческой армии и Первый Кубанский поход. Л. 3.

⁴ ГАРФ. Ф.Р-5881. Оп. 2. Д. 255. Л. 30, 54–55.

⁵ Осенью 1917 г., во время вооруженной борьбы татар с большевиками, греки поддерживали большевиков. Антагонизм между греками и татарами имел основу экономическую

и начало его нужно искать в далеком прошлом. Греческое население в Крыму немногочисленно, число деревень с греческим населением очень мало, [в Ялтинском уезде их две, три в Загорном районе — вычеркнуто автором. — А. П.] обычно в каждой татарской деревне живет несколько греческих семейств, занимающихся разведением табачных плантаций и торговлей, и часто держащих татарское население в кабальной зависимости.

⁶ См. статью Н. Богданова «Крым при Временном правительстве».

⁷ Эти заметки были мне переданы вдовой Владимира Дмитриевича Е. П. Набоковой.

⁸ О Д. Сейдаметове см. записки В. Д. Набокова: *Набоков В. Д.* Крым в 1918/19 гг. С. 225.

⁹ В. Д. Набоков охарактеризовал Сулькевича как «человека, в Крыму совершенно неизвестного, не имеющего никакого политического прошлого и никакой политической программы. Немцы нашли эту кандидатуру наиболее для себя удобной» (*Набоков В. Д.* Крым в 1918/19 гг. С. 225). По словам видного политического деятеля Д. С. Пасманика, Сулькевича «даже не ненавидели, а презирали, ибо в нем не было ни одной трагической черточки, а сплошная комическая клякса. Ни у кого не чесались руки, чтобы вступить в рукопашную с властью, а сами ноги подергивались по-футбольски, чтобы пнуть в заднюю часть туловища. Не было ни страха, ни уважения, ни ненависти, а сплошное голое презрение. И вовсе не потому, что Сулькевич служил немцам. Они в нем не нуждались и ничего он им не давал, да они его сами презирали, как нечто бесформенное и бездушное. Получился в физике необъяснимый феномен: несмотря на полное присутствие, всеми ощущалось абсолютное отсутствие, т. е. пустота. В лучшем случае эта власть воспринималась как неуместная и надоедливая муха в жаркий день, когда веки стягиваются от сна» (*Пасманик Д. С.* Революционные годы в Крыму. Париж, 1926. С. 103.). Не преувеличивая достоинств Сулькевича как государственного деятеля, отметим следующее: в отличие от гетмана Всея Украины П. П. Скоропадского, Сулькевич так и не испытал «головокружения от успехов», видимо не обладая большими политическими амбициями. Опытный кадровый дипломат Н. В. Чарыков, получивший осенью 1918 г. приглашение от Сулькевича занять пост министра народного просвещения, а также принять кураторство над внешними сношениями, вспоминал, что в беседе с ним генерал признался, что «все, чего он хочет, это чтобы когда-нибудь его вспомнили, как “хорошего дворника”, который помог сохранить для Российского государства его драгоценность, Крым» (*Чарыков Н. В.* Беглый взгляд на высокую политику / пер. с англ. яз., подгот. текста, сост. и коммент. Л. А. Пуховой. М., 2016. С. 214).

¹⁰ Характеризуя состав кабинета М. А. Сулькевича, Д. С. Пасманик обоснованно заметил, что «новая власть сразу повисла в воздухе: она не была ни татарской, ни русской...» (*Пасманик Д. С.* Революционные годы в Крыму. С. 102).

¹¹ Об этом так живо и образно рассказано в воспоминаниях В. А. Оболенского. «На чужой стране», 1925.

¹² Если верить воспоминаниям военного министра Центральной Рады А. Т. Жуковского, «немецкая политика давно повернула взгляд на Крымский полуостров и предвидела большие выгоды для интересов своей власти. Для них необходимо было занятие Севастополя и добыча в самое ближайшее время стратегического пути Берлин — Севастополь — Черное море и Центральная Азия» (Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (Киев) (ЦДАВОУ). Ф. 3543. Оп. 1. Д. 1. Л. 84 об.).

¹³ Подробнее о деятельности немцев в оккупированном ими Крыму см.: *Пученков А. С.* Украина и Крым в 1918 — начале 1919 года. Очерки политической истории. СПб., 2013. С. 144–146.

¹⁴ О немецкой ориентации П. Н. Милюкова лета 1918 г. см.: *Пученков А. С.* Украина и Крым в 1918 — начале 1919 года. С. 92–101.

¹⁵ «Переговоры проводились в обычной дипломатической форме как между двумя соседними, дружественными и независимыми странами. Вскоре мы увидели, что все, чего хочет украинское правительство, — это просто захватить Крым. Мы, со своей стороны, предлагали систему федерации с центральным правительством в Киеве, которое бы отвечало за внешнюю политику, финансы, железные дороги и суд, в то время как все другие вопросы экономического и культурного плана должны были свободно решаться в Крыму собственным местным правительством. Я думаю, что такая схема не только соответствовала тогдашним насущным нуждам Крыма и южной России в целом, но, возможно, могла бы — и все еще может когда-нибудь —

найти применение в свободном и децентрализованном возрождающемся Российском государстве, политической столицей которого должен быть, я думаю, не Петербург, не Москва, но снова Киев — “мать городов русских”, — вспоминал Н. В. Чарыков (*Чарыков Н. В.* Беглый взгляд на высокую политику... С. 215–216).

¹⁶ О таможенной войне между Украиной и Крымом см.: *Пученков А. С.* Антибольшевистское движение на Юге и Юго-Западе России (ноябрь 1917 — январь 1919 гг.): Идеология, политика, основы режима власти: дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2014. С. 712–718.

¹⁷ Детали переговоров между М. А. Сулькевичем и В. Д. Набоковым подробно изложены последним в его записках: *Набоков В. Д.* Крым в 1918/19 гг. С. 229. — В свою очередь, в дневниковой записи от 5 октября 1918 г. Набоков подтверждает, что в разговоре с ним Сулькевич предложил кадетам составить «кабинет, с тем, что он остается начальником края. Отказ» (ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 783. Л. 1). 17 октября в Ялте на квартире видного кадета Н. Н. Богданова кадетское руководство, предварительно заручившееся поддержкой немецкого командования, вынесло решение о необходимости отрешения кабинета Сулькевича от власти. Участники совещания с самого начала квалифицировали поставленную задачу — смещение Сулькевича — «как государственный переворот» (ГАРФ. Ф. Р-6400. Оп. 1. Д. 7. Записки министра труда крымского правительства П. С. Бобровского. Л. 16). К слову, точно так же определил результаты совещания и генерал Сулькевич, употребивший именно это словосочетание — «государственный переворот» — в беседе с кадетом В. Д. Набоковым (*Набоков В. Д.* Крым в 1918/19 гг. С. 230).

¹⁸ По словам В. Д. Набокова, в те дни он «торговался с социалистами», добываясь соглашения с ними (ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 783. Л. 1. Дневниковая запись от 4 октября 1918 г.).

¹⁹ Текст письма А. И. Деникина С. С. Крыму см.: *Деникин А. И.* Очерки русской смуты. М., 2003. Т. V. С. 419. — В числе прочего, Деникин гарантировал со своей стороны «полное невмешательство во внутренние дела Крыма и в борьбу вокруг власти» (Там же. С. 419).

²⁰ *Правительство поручило выработать положение о Сейме В. Д. Набокову, выработанное им положение было рассмотрено и утверждено земско-городским съездом в декабре и выборы в Крымский Сейм были назначены правительством в апреле.*

²¹ Характеристику деятельности кабинета С. С. Крыма см.: *Пученков А. С.* Украина и Крым в 1918 — начале 1919 года... С. 153–156.

²² *А. А. Стевен и А. П. Барт были расстреляны большевиками в Крыму после эвакуации армии генерала Врангеля.*

²³ В воспоминаниях, посвященных начальному этапу истории Добровольческой армии и Ледяному походу 1918 года, Богданов упоминает о том, что для Корвин-Круковского была характерна «какая-то особая, болезненная жестокость» (ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 255. Л. 81). По-видимому, и к политикам генерал не испытывал особой симпатии: так, по словам мемуариста Д. С. Пасманника, во всей деятельности генерала Корвин-Круковского проглядывало «бурбонски-презрительное отношение к гражданской власти» (*Пасманник Д. С.* Революционные годы в Крыму. С. 126, 131.).

²⁴ *Б. П. Обнинский был при Врангеле членом окружного суда в Симферополе, остался и был убит большевиками.*

²⁵ О самосудах в Крыму см. воспоминания министра труда правительства С. С. Крыма П. С. Бобровского. См. также: *Пученков А. С.* Украина и Крым в 1918 — начале 1919 года. С. 297–300, 311–312.

²⁶ *Крымский сенат в составе четырех присутствующих сенаторов был учрежден ввиду необходимости создать кассационную инстанцию.*

²⁷ Об убийстве Гужона сообщает в своих воспоминаниях и М. М. Винавер: *Винавер М. М.* Наше правительство (Крымские воспоминания 1918–1919 гг.). Париж, 1928. С. 174–175.

²⁸ *Денежные знаки печатались Ростовским отделением Государственного банка для нужд Добровольческой армии и Донского казачьего правительства. Первоначальный выпуск денег относится еще ко времени организации Добровольческой армии к январю 1918 г. Мне тогда пришлось по должности заведующего финансовой и контрольной части Добровольческой армии участвовать в обсуждении порядка выпуска денежных знаков и технического выполнения. В Первый Кубанский поход мы взяли довольно значительное количество вновь отпечатанных денег и они охотно принимались населением.*

²⁹ Деньги печатались в Феодосии в картографическом отделе. На деньгах была изображена карта Крымского полуострова и подписи всего состава совета министров.

³⁰ Генерала Петрова я встречал ранее. В январе 1918 г. в Ростове для нужд Добровольческой армии был создан особый комитет снабжения, в который вошли главным образом члены Доно-Кубанского областного комитета Всероссийского земского Союза и торгово-промышленного комитета. Как товарищ председателя комитета я заведовал канцелярией и тогда я принял на службу полковника Перовского. Затем, уже в Сербии, я встретился с тем же лицом, но уже не под фамилией Перовского или Петрова, а под настоящим именем генерала Батюшина, известного по делу о шпионах при Сухомлинове. В Сербии генерал Батюшин был председателем беженской колонии в Зимуне близ Белграда, он выдвинулся как ярко правый деятель и монархист.

³¹ Обзор взаимоотношений между Крымским Правительством и Добрармией за период декабря 1918 г. — апреля 1919 г. С. 216.

³² Столь же решительно Деникин выступил и против формирования бригад-микст и в Одессе, воспринимая эту инициативу как вмешательство французского командования в «формирование и управление Русской Армией» (ГАРФ. Ф.Р-5827. Оп. 1. Д. 92. Телеграмма Деникина генералу А. Бертелло. 7 февраля 1919 г. Л. 7).

³³ Одна из рот героически сражалась, и почти вся легла при форсировании большевиками перешейка.

³⁴ Вопрос о созыве Крымского Сейма чрезвычайно тревожил Екатеринодар. Генерал Деникин придавал ему большее значение, чем он имел в действительности, видя в нем нечто вроде Донского воинского круга или Кубанской краевой рады, тогда как Сейм вероятно отражал бы состав губернского земского собрания при некотором усилении национальных групп, в частности, от татар, и больших изменений в положение Краевого правительства внести не мог.

³⁵ Формулировка требования эсеров взято мною из записки в календаре В. Д. Набокова под числом 19-ое марта. В. Д. Набоков прибавляет от себя: «Пошло».

³⁶ «В телеграмме моей было много чувства горечи и раздражения, но реальных результатов она принести не могла», — признавал Деникин в своих воспоминаниях (Деникин А. И. Очерки русской смуты. М., 2003. Т. V. С. 427).

³⁷ Подробнейшую картину описания обороны Крыма от большевиков см.: Обзор взаимоотношений между Крымским Правительством и Добрармией за период декабря 1918 г. — апреля 1919 г. С. 217–221.

³⁸ Сходным образом Н. Н. Богданов рассуждал и в «Открытом письме А. И. Деникину», опубликованном в парижской газете «Последние новости»: «Я отчетливо понимаю весь эгоизм политики союзников и отсутствие у них искреннего желания помочь истекавшей кровью России, понимаю я моральную тяжесть сношений с местными представителями, дающими почувствовать зависимость русских от иностранцев, но вместе с тем не могу не признать, что Ваша дипломатия в отношении французов была плохая дипломатия, ибо она отбрасывала их к украинцам и не обеспечивала Вам возможную в то время военную поддержку в районе, который Вы не могли защищать. Можно сказать, что Вы сделали все, чтобы эта поддержка была меньше. Я не поддерживаю распространенное в Крыму мнение, что Крым был сдан нарочно, чтобы с одной стороны развязать узел отношений с французами в Севастополе, а с другой ликвидировать «сепаратистское» Крымское Краевое Правительство, но теперь, прочтя Вашу книгу, не могу не сделать вывода, что Вы ничего не сделали для защиты Крыма» (Богданов Н. Открытое письмо А. И. Деникину // Последние новости. Париж. 1928. 22 дек.). В высказываниях Н. Н. Богданова присутствует понятное раздражение на белого Главкома, в воспоминаниях которого присутствовало достаточно сдержанное, если не ироническое, отношение к кадетскому кабинету С. С. Крыма. Подобно своим товарищам по Второму Краевому правительству, Богданов был разочарован тем, что Деникин «не понял» демократической природы и благородных устремлений Соломона Крыма — отсюда и его раздражение, отсюда — и не вполне аргументированные обвинения в адрес Антона Ивановича. Кто же прав в их споре: Деникин или Богданов? Выявить истину в данной ситуации чрезвычайно трудно; очевидно, что упрощенный поиск единственного и непосредственного виновника падения Крыма к успеху привести не может; слишком много слага-

емых играло на руку большевикам. Возможно, что Ставка действительно не видела в обороне Крыма в тот момент первостепенной и наиважнейшей задачи для армий ВСЮР. Вместе с тем в ситуации, когда подход к обороне полуострова был у Ставки несопоставимо более серьезным (в Крыму, при Врангеле), перешейки вновь не смогли устоять, а белые армии вынуждены были навсегда оставить Россию. Подытоживая наши наблюдения, позволим себе высказать мнение о том, что Крым весной 1919 г. был интересен и важен для Деникина лишь до той поры, пока полуостров рассматривался как база для союзных контингентов, находящихся в непосредственном взаимодействии с белогвардейцами; с того момента, как для белого Главкома стали очевидными нежелание и невозможность союзников драться с большевиками, Крым стал рассматриваться как второстепенный театр военных действий, периферия Гражданской войны.

³⁹ Генерал И. П. Романовский, слывший в некоторых кругах «злым гением» Добровольческой армии, был убит в день прибытия вместе с А. И. Деникиным в Константинополь, 23 марта (5 апреля) 1920 г., поручиком М. А. Харузиным. Обстоятельства убийства Романовского, личности как самого исполнителя этого жестокого преступления, так и тех, кто за ним стоял, заслуживают отдельного рассказа. Наиболее серьезное на данный момент исследование этого вопроса принадлежит Р. М. Абинякину (*Абинякин Р. М. Убийство генерала И. П. Романовского: действующие лица и исполнители // Русский Исход как результат национальной катастрофы.* М., 2011. С. 313–323).

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Пученков А. С. Богданов Н. Н. «Крымское краевое правительство» [1919 г.] // Новейшая история России. 2018. Т. 8. № 2. С. 534–557.

Сведения об авторе: Пученков А. С. — доктор исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия); a.puchenkov@spbu.ru

FOR CITATION

Puchenkov A. S. 'Bogdanov N. N. "Crimean Territorial Government" [1919]', *Modern History of Russia*, vol. 8, no. 2, 2018, pp. 534–557.

Author: Puchenkov A. S. — Doctor of History, Associate Professor, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia); a.puchenkov@spbu.ru

References:

Abinjakin R. M. 'Ubijstvo generala I. P. Romanovskogo: dejstvujushhie lica i ispolniteli', *Russkij Ishod kak rezul'tat nacional'noj katastrofy* (Moscow, 2011).

Charykov N. V. *Beglyj vzgljad na vysokuju politiku*, Comp. by L. A. Puhova (Moscow, 2016).

Denikin A. I. *Ocherki russkoj smuty*, Vol. V (Moscow, 2003).

Nabokov V. D. 'Krym v 1918/19 gg.', Publ. A. S. Puchenkova', *Novejshaja istorija Rossii*, no. 1, 2015.

'Obzor vzaimootnoshenij mezhdru Krymskim Pravitel'stvom i Dobrarmiej za period dekabrija 1918 g. — aprilja 1919 g.', Publ. A. S. Puchenkova', *Novejshaja istorija Rossii*, no. 3, 2016.

Puchenkov A. S. *Ukraina i Krym v 1918 — nachale 1919 goda. Ocherki političeskoj istorii* (St. Petersburg, 2013).